

	<p>Списание ЕПОХИ Издание на Историческия факултет на ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“</p> <p>Journal EPOCHI [EPOCHS] Edition of the Department of History of “St. Cyril and St. Methodius” University of Veliko Tarnovo</p>		<p>Том / Volume XXXI (2023). Книжка / Issue 1</p>
---	---	--	---

DOI: 10.54664/AVOS2228

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕОТИИ: РАЗВИТИЕ ФИВАНСКОГО ПОЛИСА

Андрей МОЖАЙСКИЙ*

PROCESSES OF INTEGRATION AND DISINTEGRATION IN BOEOTIA: DEVELOPMENT OF THE THEBAN POLIS

Andrej MOZHAJSKY

Abstract: *The article deals with the integration and disintegration processes during the development of the Theban polis and the Boeotian League. It analyzes the natural factors for the development of Thebes into the largest centre of Boeotia, which include presence of fertile land, sufficient water, as well as a convenient geographical location at the crossroads of the main roads of Boeotia. These factors influenced the formation of the Theban settlement. The long-term development of the Boeotian communities was not exclusively increasing. Around 1200 BC, a complex of factors led to the collapse of palace-centric states and to regional disintegration. However, after some time, the presence of large water resources and the favourable location of Thebes as natural growth factors caused a new leap of development in the Late Geometric period (8th century BC) when Thebes again became an organized settlement and set on the path of polis development. These same growth factors led to the fact that Thebes turned into the largest policy of Boeotia. In the process of urban growth of Thebes, the religious and self-identifying components were of great importance. The first urban religious cluster to expand beyond the Acropolis of Thebes was the southeastern sector, which, in our opinion, was already walled in Late Antiquity. It was here that the most important city sanctuaries of Herakles and Apollo Ismenios were located. As soon as Thebes turned into the largest regional centre in the 6th century BC, the process of integrating the settlements of Boeotia into a federation under Theban hegemony began. This process was interrupted several times due to political factors, which resulted in the defeat of Thebes by the Persians in 479 BC, or, for example, in the disintegration of the Boeotian League as a result of the Peace of Antalcidas in 387/6 BC, and then the capture of Thebes by the Spartans in 382 BC. In the periods we are considering, the final phases of the Boeotian League's disintegration under the Theban hegemony were the events of 338 and 335 BC. The final part of the article proposes an explanation of these processes through an Annalist perspective.*

Keywords: *Thebes; polis; Boeotia; Boeotian League; integration; disintegration; Annalist perspective.*

Введение. В определенном смысле исторический процесс есть постоянно сменяющая друг друга интеграция и дезинтеграция. Разрозненные поселения на заре своей истории рас-

* Андрей Ю. Можайский – кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, @ a.mozhajsky@mail.ru

пространяются через процесс внутренней колонизации, превращаются в государства, которые притягивают к себе сателлиты, позже порой образуя целые федеративные объединения. Однако, зачастую процессы интеграции сменяются дезинтеграцией, и такие объединения распадаются по причине влияния разных факторов. Ярким примером действия таких процессов является Фиванский полис: его становление, роль гегемона в Беотийском союзе, а в IV в. до н.э. и за его пределами. При этом стремление Фив быть гегемоном в Беотии и за ее пределами подверглось влиянию дезинтеграционных процессов и, в конечном итоге, город был уничтожен Александром Великим в 335 г. до н. э. Этот фиванский опыт, в силу своей завершенности, требует осмысления и объяснения, тем более, что существует обширный корпус источников от литературных произведений античных авторов до археологического материала, эпиграфических данных и топографических изысканий. Идея данной статьи сформировалась во время подготовки к выступлению на круглом столе «Интеграционные и дезинтеграционные процессы в Европа. Исторически проекции» в Великотырновском университете «Святых Кирилла и Мефодия» (2 декабря 2022 г.), за что автор очень благодарен его организаторам.

Естественные факторы развития Фив в крупный центр Беотии. Фивы, как и большинство древнегреческих поселений доиндустриальной эпохи, зависели от сельского хозяйства, и для поступательного развития отвечали двум главным критериям: наличию плодородной земли и достаточного количества воды [Bintliff, J. L. 1977, pp. 111–116; Можайский, А. Ю. 2018, с. 81]. Местоположение Фив как крупнейшего центра Средней Греции полностью отвечало этим критериям, поскольку город контролировал несколько аллювиальных равнин восточной Беотии [Dakouri-Hild, A. 2010, p. 690]. Однако, на Аонийской равнине, где находились Фивы, присутствовали и другие поселения, но только Фивы разрослись в крупный город и в классический период: город имел площадь ок. 365 га. С. Симеоноглу полагает, что это могло произойти из-за наличия здесь неисчерпаемых водных ресурсов, которые позволили населению Фив не просто обрабатывать некоторое количество земли, но и заниматься сельским хозяйством в крупном масштабе относительно возможностей других поселений [Symeonoglou, S. 1985, pp. 8–9].

Действительно, подробный анализ фиванской водной системы показывает сравнительно высокие водные ресурсы. Так, на территории города классического времени находилось сразу три реки. Самая крупная река – Исмен (новое название Агианни) – протекала к востоку от акрополя Фив Кадмеи; вторая по величине – Дирке (новое название Плакиотисса) – протекала к западу от Кадмеи; самая же малая из рек – Строфия (новое название Хрисорроас) – располагалась между первыми двумя. Первые две водные артерии упоминаются многими античными авторами и являлись мифологически значимыми для фиванцев классического периода, ведь их наименования встречаются у фиванского поэта Пиндара. Например, Исмен встречается в связи с историей о семерых против Фив (*Nem.* 9.22 о судьбе Амфиарая; *Nem.* 11.36 о гибели защитника Фив Меланиппа), а также в одном из фрагментов (*fr.* 29.1 – из гимна Зевсу для фиванцев). Что касается Дирке, то она упоминается Пиндаром в девятой Пифийской оде (*Pyth.* 9.88) в связи с мифом о Геракле, которого вместе с Ификлом взрастили «Диркейские воды» (Διρκαίων ὑδάτων), в десятой Олимпийской (*Ol.* 10.85 – о славной песне над рекой Дирке), первой Истмийской (*Isthm.* 1.29 – о реках Дирке и Еврот как отождествляющих Фивы и Спарту (ῥεέθροισί τε Δίρκας ἔφρανεν καὶ παρ' Εὐρώτῃ πέλας)), шестой Истмийской (*Isthm.* 6.74 – о «Дирке священной воде» как о награде (πίσω σφε Δίρκας ἀγνὸν ὕδωρ)) и восьмой Истмийской (*Isthm.* 8.19–20 – о Дирке, которую Зевс поместил обитать «в прекраснострующийся источник Дирке» (παρὰ καλλιρόφῳ Δίρκῃ)) одах. Судя потому, что эти две реки упоминаются также у аттических трагиков (приведем некоторые упоминания: у Эсхила (*Sept.* 273; 378 – Исмен; 273; 308 – Дирке), у Софокла Дирке встречается в Антигоне (*Ant.* 104, 844), а у Еврипида Дирке встречается в нескольких трагедиях (*Eur. Bacch.* 5: *Phoen.* 826)), они были мифологически значимы в этот период и для греков из других мест обитания. В этом отношении интересно замечание Р. Крибиоре, которая, изучив образовательную культуру греков эллинистического и римского времени, отмечает, что мир для них определялся такими границами, как реки Исмен, Скамандр или

источник Дирке в большей степени, чем реальной страной, в которой они жили [Cribiore, R. 2001, pp. 246–247].

Что касается последней малой речки – Строфии – то она в античной литературе встречается всего один раз у Каллимаха в гимне к острову Делос (Callim. *Hymn* 4, 75–77, где Строфия называется дочерью Исмена, наряду с Дирке: “αἰ δ’ ἐφέλοντο Δίρκῃ τε Στροφίῃ τε μελαμψήφιδος ἔχουσαι Ἰσμηνοῦ χέρα πατρός”). Вероятно, так могло произойти из-за того, что Строфия, затерявшаяся в центре Фив к классическому периоду, будучи совсем не большой речкой (скорее источником, меньшим чем Дирке, не говоря о реке Исмен), не столь привлекала внимание античных авторов. Несмотря на исключения, касающиеся традиции о Строфии, сообщения античных авторов показывают мифологическую и топографическую важность водных артерий Фив, что только подтверждает больший, по сравнению с другими поселениями Аонийской равнины, сельскохозяйственный потенциал Фив.

Другим важным фактором было географическое положение, ведь Фивы были расположены на перекрестке торговых путей [Можайский, А. Ю. 2018, с. 86–87]. Действительно, Фивы являлись мощным хабом, где соединялись пути из северной Аттики и Оропа, а также Халкиды. Не обошли Фивы и пути из северной Греции, которые шли через восточную Локриду, по северной стороне Копайдского озера, а также из западной, через Дельфы и южную сторону Копайдского озера. Важнейшим направлением были дороги из западной Аттики, Пелопоннеса и Истма, которые пролегли через Мегариду. Другие направления также были представлены в фиванском узле: из беотийских прибрежных регионов, с юго-запада, где располагались порты Феспийской области, Фисба и Хорсии, с севера, где располагался Анфедон, а также с востока, где находился Делий и другие части танагрейского побережья, среди которых особое мифологическое и топографическое значение имела Авлида [Fossey, J. M. 1988, p. 200].

Возможно, что транспортный узел Фив отразился в мифологической традиции как перекресток, на котором будущий царь Фив – Эдип убил своего отца Лая, царя Фив, Так, А. Керамопуллос выдвинул предположение, что Эдип, возвращаясь из Дельф, убил отца на перекрестке, который находится по дороге из Потний в Фивы, что с южной стороны Кадмеи [Keramopoulos, A. 1917, pp. 419–420]. С. Симеонглу отмечает, что схолиаст к трагедии Софокла «Царь Эдип» (Soph. *OT*. 733) приписывает Эсхилу пассаж, который упоминает дорогу у Потний по имени “Схисте” (Σχιστή), которое является распространенным наименованием дорог в Греции. Такой перекресток действительно существует по дороге из Потний в Фивы, однако, на горе Парнас есть другая дорога с этим именем (ὁδὸς ἡ Σχιστή), которая ведет в Дельфы и также имеет перекресток (Paus. 10.5.3–4). Поэтому, как пишет С. Симеонглу, сложно сказать, где могла произойти встреча Эдипа и Лая. Однако он же отмечает, что в древности путешественники часто проходили через перекресток у Потний на пути в Платеи, Феспии, Ливадию и Дельфы [Symeonoglou, S. 1985, p. 177; Можайский, А. Ю. 2021 b, с. 183–185].

Таким образом, два эти фактора – изобилие воды и перекресток путей – естественным образом влияли на становление фиванского поселения (в архаический и классический период – полиса) и на интеграцию других населенных пунктов Беотии под главенство Фив.

Микенский бэкграунд: интеграция и дезинтеграция. Благодаря описанным выше факторам, Фивы развивались еще, начиная с поздней и финальной фаз неолитического периода (5300–3200 гг. до н.э.), когда в Фивах было создано самое раннее известное исследователям поселение (в районе Пири, к северу от Кадмеи). В период раннего бронзового века (ок. 3200–2100 гг. до н.э.) появляется постоянное поселение в Кадмее, когда на ее юго-восточной стороне был возведен дом так называемого «коридорного типа» (площадь 147 кв. м., датировка ок. 2800–2500 гг. до н.э.). В 2500–2300 гг. до н.э. интеграция была представлена интенсификацией контактов с соседними землями и эгейскими островами, а в самих Фивах увеличилось использование металлов и впервые появились апсидальные здания. Само же поселение распространилось не менее чем на 15 га. Период среднего бронзового века (ок. 2100–1700 гг. до н.э.) характерен для Фив увеличением поселения, которое теперь достигало не менее 20 га и было представлено сразу двумя кварталами с погребениями между ними. Причем погребения

показывают социальную стратификацию, предметы из погребений также сообщают об интенсификации интеграции с эгейским миром [Fappas, I., Galanakis, Y. 2013, pp. 6648–6651].

Фивы определенно стали городским поселением (один из главных критериев – наличие фортификации) бронзового века с XIV в. до н.э., когда Кадмея была обнесена циклопической стеной. Это городское поселение (ок. 30 га) состояло из дворцовых строений, мастерских (для изготовления предметов из золота, слоновой кости и полудрагоценных металлов), а также жилых кварталов и мест для хранения различных благ [Fappas, I., Galanakis, Y. 2013, pp. 6648–6651; Можайский, А. Ю. 2021 а, с. 48–49]. Следует отметить, что на данный момент среди поселений материковой Греции именно Фивы, где в пятнадцати частях Кадмеи найдены мастерские, являются наиболее изученными при определении зон производственной активности [Demakopoulou, K. 2014, pp. 139–156; Mozhajsky, A. Yu. 2018, pp. 45–46]. Интересно, что в этом отношении память о микенских временах выразилась в позднеархаическом и классическом времени в том, что посвящение старинных для того времени бронзовых треножников в храм Аполлона Исмения приписывалось героическому/микенскому прошлому. Так, Геродот, в известном пассаже (Hdt. 5.57–61), упоминает мифического героя Кадма, финикийцев и утверждения письменности в Греции, а далее рассказывает, что он сам видел в Фивах в храме Аполлона Исмения кадмейские письма, написанные на трех треножниках. Геродот не утверждает, что он прочитал эти надписи сам, поэтому не ясно, какие точно надписи он видел, однако, как ему говорили, один из треножников содержал надпись, о том, что его посвятил Амфитрион (еще один мифический герой, отец/приемный отец Геракла). Некоторые исследователи предположили, что треножники могли быть микенскими, а письменность на них могла представлять собой линейное письмо Б [Forsdyke, J. 1957, pp. 40–41; Biesantz, H. 1958]. Однако, несмотря на то, что остается вероятность, что сами треножники могли быть микенскими, все же, надписи вряд ли могли представлять собой линейное письмо Б, поскольку Геродот отмечает, что буквы имели много схожего с ионийскими (*τὰ πολλὰ ὅμοια ἔόντα τοῖσι Ἴωνικοῖσι*) (Hdt. 5.59.1), а линейное письмо Б вряд ли могло походить на ионийский вариант греческого письма. Таким образом, на наш взгляд, надписи могли быть ранним вариантом алфавитного письма в Греции и, скорее могли быть сделаны ок. VIII в. до н.э. Тем не менее – и это самое главное для нашей темы – для становления фиванского полиса было важно обращение к микенскому прошлому города, что и показывает этот пассаж из Геродота. Причем, изучение микенских мест производственной активности и так называемого «Арсенала» в Фивах, где были найдены бронзовые части доспеха, показывают превосходную степень обработки бронзы в микенский период, и фиванский полис легитимизовал себя, в том числе, через посредство древних бронзовых артефактов.

Фивы являются одним из тех мест Греции, где были открыты документы линейного письма Б. Эти надписи были нанесены на глиняные таблички или вазы, а также присутствовали на отпечатках. Эти находки происходят из разных частей Кадмеи и характерны для ремесленных или складских районов. [Aravantinos, V. L. 2010, pp. 63–70, 92–93; Aravantinos, V. L. 2015 а, pp. 19–49; Aravantinos, V. L., Godart, L., Sacconi, A. 2001]. Фивы по количеству найденных табличек линейного письма Б являются третьим центром после Кносса и Пилоса и первым центром по количеству подписанных глиняных отпечатков и стремянных кувшинов, несмотря на то, что центральный архив фиванского дворца еще не найден. Содержание и структура текстов из Фив весьма схожи с теми, которые были найдены в других дворцовых центрах на Пелопоннесе и Крите. Однако все они, в первую очередь, служили административным целям и не содержат исторической информации. Тем не менее, благодаря этим текстам известно имя города (*te-qa*) и наименование его жителей (*te-qa-jo/jo-i*). Таблички показывают, что Фивы доминировали в Беотии как политический, экономический, религиозный и культурный центр. Исследователи предполагают, что в микенское время Фивы, также как Пилос (размером ок. 20 га), Микены (размером ок. 30 га) или Троя (ок. 27–33 га), могли контролировать от 1000 до 2000 квадратных километров территории [Bintliff, J. L. 2002, p. 162; Можайский, А. Ю. 2020, с. 285]. Территориальный радиус контролируемой территории для таких государств по мето-

дологии Дж. Бинтлифа составляет ок. 18 км. Сами Фивы, учитывая размеры ок. 30 га, должны были иметь население ок. 5000–10 000 жителей.

К 1200 г. до н.э. микенские дворцовоцентрические государства прекращают свое существование и наступает территориальная и государственная дезинтеграция. Вопрос о том, что явилось причиной гибели этой цивилизации позднего бронзового века, лежит за рамками данной статьи. Отметим, что недавние исследования предполагают многофакторность этого события и рекомендуем обратиться к работам О. Диккинсона, Э. Клайна, А. Наппа и С. Маннинга [Dickinson, O. 2010; Cline, E. H. 2014; Knapp, A. B., Manning, S. W. 2016]. Что бы не явилось причиной, но дворцовые строения в Фивах сгорели ок. 1200 г. до н.э. и лишь частично были вновь заселены после [Aravantinos, V. L. 2020, p. 772]. Что касается других микенских центров Беотии, то Орхомен и Гла также окончили свои дни в это время, однако Элеон, по всей видимости, остался цел [Lemos, I. S. 2002, pp. 212–223; Dickinson, O. 2006, pp. 14–20, 2238–258], однако, очевидно, что Беотия погрузилась в кризис и процесс дезинтеграции.

Дезинтеграция от постдворцового до среднегеометрического периода. В публикациях исследователей относительно постдворцовых и геометрических Фив бытует мнение, что в период с XI по IX вв. до н.э. население, которое выжило в конце микенского времени, было сконцентрировано в маленьких фермерских сообществах, а акрополь Фив – Кадмея – использовался исключительно для погребений [Andreïomenou, A. 1989, p. 262; Vanschoonwinkel, J. 1991, p. 128; Kountouri, E. 2014]. Однако, учитывая отсутствие архитектурных остатков домов, при подсчете погребений получается, что Кадмея использовалась для погребений не чаще, чем территория около нее. Таким образом, мы полагаем, что Кадмея могла оставаться местом притяжения для населения в это время, где погребения осуществлялись прямо возле возможного места обитания. Мы также предполагаем, что отдельные семьи немногочисленного разрозненного населения протогеометрического времени гипотетически могли найти убежище в старых микенских строениях Кадмеи. Это сильно сократившееся население после крушения дворцов могло предпочесть проживать в Кадмее по причине остатков ее фортификации, даже если они были повреждены, но остались видимы. В этом отношении микенская фортификация Кадмеи может иметь параллель с Афинами, где континуитет фортификации Акрополя прослежен от микенского до архаического периода, и Акрополь мог быть центром вокруг которого шел процесс интеграции поселений в Афинах. Таким образом, мы предполагаем некоторый континуитет населения Кадмеи от микенского времени по геометрический период [Можайский, А. Ю. 2021 а, с. 52–55; Mozhajsky, A. Yu. forthcoming].

Интеграционные процессы: от периода поздней геометрии к архаике. Позднегеометрическое время (VIII в. до н.э.) является тем периодом, в который определенно интеграционные процессы берут верх. В Фивах все больше формируется организованное поселение, центром которого является Кадмея [Kountouri, E. 2014, p. 216]. Формирование организованного поселения отражается в частности в образовании отдельных кладбищ, вне зоны обитания. В этом смысле ситуация в Фивах схожа с Атикой (ок. 700 г. до н.э.) или Коринфом (на пятьдесят лет ранее Атики), где, как отмечает Р. Осборн, погребения прекращаются в местах непредназначенных специально для умерших и, таким образом, они больше не находятся в границах поселений, но в некрополях, которые опоясывают населенные места [Osborne, R. 2009, p. 46].

В становлении Фиванского полиса и Фив как города от позднегеометрического времени до архаического периода включительно, судя по литературному и эпиграфическому наследию, большое значение играли два святилища: Геракла и Аполлона Исмения. Судя по археологическим данным, оба эти святилища были основаны в юго-восточном секторе Больших Фив в VIII в. до н.э. [о святилище Геракла см.: Aravantinos, V. L. 2015 b; Aravantinos, V. L. 2017; о святилище Аполлона Исмения см.: Keramopoulos, A. 1917, pp. 33–79; Schachter, A. 1981, p. 81; Symeonoglou, S. 1985, pp. 236–239; Mozhajsky, A. Yu. 2014, pp. 74–75; Aravantinos, V. L. 2017]. Таким образом, в этот период происходила религиозная и гражданская консолидация фиванцев вокруг местных культов. Похоже, что именно северо-восточный сектор Больших

Фив играл ведущую роль в дальнейшем процессе урбанизации Фив и в конце архаического периода был обнесен городской стеной [Mozhajsky, A. Yu. 2014].

На макроуровне всей Беотии архаического периода заметен процесс формирования протополисов, а затем и полисов, которые включают в свою орбиту другие поселения, те, что тоже были протополисами, но не развились в полисные государства. Этот процесс интеграции подробно описал в своих исследованиях Джон Бинтлиф [Bintliff, J. L. 1994; Bintliff, J. L. 2012, pp. 215–218]. В VIII в. до н.э. поселения Беотии стали несколько различаться по количеству населения и по политической и военной составляющей уже на значительно возросшем, соревнующимся ландшафте. Однако, первоначальная сеть таких поселений с территориальным радиусом ок. 2–3 км (или 30 минут ходьбы) формировалась как раз в этот период. В период архаики и ранней классики эти сначала модульные нуклеидные образования разрослись и стали различаться по трем категориям: более крупные полисы, меньшие полисы и зависимые деревни (поселения-спутники полисов). Территории полисов, в которые теперь входили их зависимые спутники стали больше, варьировались от пяти до десяти или даже до пятнадцати километров радиусом в зависимости от силы индивидуальных городов-государств и особенностей ландшафта. Тем не менее – и это ключевой момент – в основании территориального радиуса оставалась фундаментальная единица поселения: деревня/протополис и ее территория, изначально принадлежавшая каждому протополису или каждой из деревень-спутников полисов. Гражданство же на всех уровнях иерархии поселений базировалось на владении землей на этой территории – хоре, относящейся к конкретному сообществу.

Беотийская история с этого периода может быть охарактеризована как жесткая хищническая политика полисов, ведь протополисы, которые становились полисами, делали это или выживая в отдаленных углах Беотии, или, что более часто, усиливая свою региональную власть через включение соседей в свою государственную территорию. Претензии или боязнь протополисов во время архаического периода, возможно, отразились в широком распространении фортификации практически у всех сообществ.

Беотийский союз – федеративная интеграция. Прежде чем выделить детерминанты истории такого федеративного объединения как Беотийский союз и проследить принципы интеграции, отметим, что литература, рассматривающая историю Беотийского союза, весьма обширна, поэтому сразу приведем некоторые ссылки на обобщающие работы [Buck, R. J. 1979; Buck, R. J. 1994; Buckler, J. 1980; Можайский, А. Ю. 2007; Van Wijk, R. 2019].

Из-за поглощения одних другими в Беотии к классическому периоду большинство протополисов потеряли свою независимость, и осталось лишь 14–15 полуавтономных полисов. Многие из них были интегрированы в Беотийский союз под главенством самого крупного к этому времени беотийского полиса – Фив (размером городской территории ок. 365 га в классический период). О Беотийском союзе известно, что в какой-то форме он уже существовал ок. 519 г. до н.э., причем несмотря на интеграцию полисов в этот союз, с самого раннего его существования были и тенденции к дезинтеграции. Так, Геродот и Фукидид сообщают, что Платей – полис Беотии, сопротивлявшийся доминированию Фив и вхождению в объединение беотийцев (Βοιωτοί) – заключил союз с Афинами (Hdt.6.108; о дате этого события: Thuc.3.68.5).

Трудно судить о том, что это было за объединение. Предлагались различные суждения [Beck, H., Ganter, A. 2015, p. 137]: о том, что беотийцы создали федеральное государство, союз (κοινόν) или прототип союза/лиги; о том, что это была симмахия (συμμαχία) – исключительно военный альянс. Позднее было предложено, что этот первый Беотийский союз должен рассматриваться как исключительно культовая организация, без политической и военной федерации [Larson, S. 2007, pp. 165–184]. Х. Бек и А. Гантер полагают, что более инклюзивный подход предпочтительнее. По их мнению, в позднеархаической Беотии неотъемлемые концепции этнической идентичности, политики и религии развивались одновременно и были тесно взаимосвязаны. В этом отношении сообщения Геродота отражают превращение беотийцев во второй половине VI в. до н.э. в этническую группу, члены которой создали совершенно новые средства политического взаимодействия друг с другом. Каждый город имел свои политические

институты, собрания и другие местные учреждения. В то же время, общебеотийские вопросы обсуждались на общем собрании, которое, скорее всего, проводилось в одном из региональных святилищ или в Фивах. Подобно другим полисным собраниям того времени, в нем, вероятно, участвовала военная элита городов-участников. Близкое взаимодействие между полисами (не всеми: Орхомен и другие города северо-запада не входили в это число) также отражено благодаря большому количеству монет, несущих эмблему беотийского щита на лицевой стороне монеты и монограммы с инициалами выпускающего полиса на оборотной стороне. Также авторы отмечают, что недавнее открытие эпитафического документа, бронзовой пластины из Фив, подтверждает существование должности беотарха в это время, не зависимо от сообщения Геродота [Beck, H., Ganter, A. 2015, p.138]. Публикация этого важнейшего документа по политической истории раннего беотийского объединения состоялась в 2014 г. [Aravantinos, V. L. 2014, pp. 199–202]. Завершая обзор, Х. Бек и А. Гантер отмечают, что к концу VI в. до н.э., племенная сплоченность и общие культы породили институты, созданные для ведения политики, и то, что было *Βοιωτοί*, стало превращаться в зарождающееся федеративное государство [Beck, H., Ganter, A. 2015, p. 138].

В классический период интеграционные и дезинтеграционные процессы были обусловлены в основном политическими причинами, которые можно проследить благодаря освещению событий в литературных источниках, а также эпитафических документах. Не беремся освещать столь большую их совокупность в данной статье, но отметим, что впервые Беотийский союз был дезинтегрирован в 479 г. до н.э., после битвы при Платеях, когда персы были изгнаны из материковой Греции, а главенство фиванцев в Беотии ликвидировано из-за коллаборации последних с персами.

Ок. 457 г. до н. э. Беотия подпала под контроль Афин, но восстала и отпала в 447/6 г. до н. э., после чего произошла новая интеграция беотийских полисов, и был восстановлен федеративный Беотийский союз, который просуществовал до Анталкидова мира 387/6 г. до н. э. Этот мир положил формальный (вероятно, в реальности статус меньших городов Беотии мог оставаться зависимым от Фив, но Платеи и, вероятно, Ороп оказались определенно независимы) конец данному объединению, ведь в результате Анталкидова мира греческие города-государства (за небольшим исключением) должны были стать автономными. Таким образом, после заключения Анталкидова мира, фактически остался только один союз – Пелопоннесский.

В *Hellenica Oxyrhynchia*, в связи с событиями 395 г. до н.э., содержится информация о федеративном устройстве Беотийского союза, однако исследователи предполагают, что по большей части это устройство совпадало с тем, которое было установлено еще в 446 г. до н.э. [Buck, R. J. 1985, pp. 291–296]. Итак, из этого документа (*Hell. Oxy. 16.2–4 Mckechnie and Kern*) мы узнаем, что конституция была олигархической, а Беотийский союз имел все признаки федеративного объединения, более того, без явного формального лидера. Это подтверждают три положения: беотархи, главные должностные лица союза, не были исключительно фиванцами; число беотархов и советников союзного совета зависело от размера города и его доходов, а меньшие города одной области объединялись в единую избирательную единицу (каждая такая область или город предоставляли одного беотарха, шестьдесят советников и определенное количество судей в суды, а также войска и фиксированная сумма денег в общую казну союза); была ротация советов (Фукидид сообщает, что таких советов было четыре (*Thuc. 5.38.2*), ему вторит и оксиринхский историк (*Hell. Oxy. 16.2*)), ведь собрание всех советников одновременно было дорого и вряд ли эффективно.

Hellenica Oxyrhynchia сообщает, что Фивы контролировали на 395 г. до н.э. четыре из одиннадцати областей/частей (*μέρη*), которые являлись избирательными единицами (*Hell. Oxy. 16.3 [Mckechnie, P. R., Kern, S. J. 1993]*). Однако, вряд ли Фивы имели столь весомое представительство в момент образования нового союза в 446 г. до н.э. Действительно, *Hellenica Oxyrhynchia* показывает, что две фиванские избирательные единицы были за Платеи, Скол, Эрифры, Скафы и другие места, которые «прежде составляющие с теми одно государство» (*τῶν πρότερον μὲν ἐκείνοις συμπολιτευομένων*), «тогда же (к 395 г. до н.э. – А. Можайский) при-

надлежавшие Фивам» (τότε δὲ συντελούντων εἰς τὰς Θήβας) (Hell. Оху. 16.3 [Mckechnie, P. R., Kern, S. J. 1993]). Это показывает, что со временем политическая ситуация менялась, и Фивы стали доминировать в общебеотийском совете.

На гражданском уровне политической интеграции следует отметить базовый определяющий принцип гражданства, который определялся тем, что полные гражданские права определял каждый полис, однако, как отмечено в Hellenica Oxyrhynchia, для получения такого статуса требовался некоторый имущественный ценз и именно те граждане, которые проходили его, могли участвовать в заседании общебеотийского совета (Hell. Оху. 16.2 [Mckechnie, P. R., Kern, S. J. 1993]). Таким образом, сведения, содержащиеся в Hellenica Oxyrhynchia, говорят о том, что беотийская конституция представляла собой тот концепт, который Фукидид назвал словами фиванцев «равноправной олигархией» (Thuc. 3.62.3: ὀλιγαρχίαν ἰσόνομον – в асс).

В 382 г. до н.э. спартанцы смогли захватить Фивы [Можайский, А. Ю. 2019], и спартанский гарнизон располагался в Кадмее вплоть до 379/8 г. до н.э., когда фиванские заговорщики подняли восстание, сменили правительство и изгнали спартанский гарнизон, а в течении следующих трех лет и оставшиеся спартанские гарнизоны из ряда других беотийских городов. Таким образом, Беотийский союз был восстановлен, во многом благодаря умелой политике Эпаминонда и Пелопида. Однако, несмотря на крах гегемонии Спарты, Македония уже наращивала силы и в 338 г. до н.э. в результате битвы при Херонее, Фивы были разгромлены, а их гегемония в Беотии пошатнулась, тогда как спустя еще некоторое время, Александр Македонский разрушил город в 335 г. до н.э. Место Фив как штаб-квартиры Беотийской федерации было передано не какому-либо другому городу, а святилищу Посейдона в Онхесте.

Кратко охарактеризуем, что представлял собой в политическом отношении этот Беотийский союз (379/8–338 гг. до н.э.). Титулярным главой союза был архонт, остальными главными должностными лицами были семь беотархов. В отличие от прошлого объединения, где главным политическим органом был федеральный совет с пропорциональным представительством советников от городов/частей Беотии, новый Беотийский союз имел федеральное собрание. При этом, на городском уровне, по крайней мере, Фивы имели как собрание, так и совет (Хел. Hell. 7.3.5–12; Diod. Sic. 17.9.1). Следует отметить, что все известные беотархи были фиванцами. П. Родс предполагает, что, возможно, беотархи теоретически могли быть из любого города федерации, но собрание, которое проходило в Фивах и где было больше части фиванцев, обычно, если не всегда, выбирало фиванцев [Rhodes, P. J. 2006, p. 248]. Надо сказать, что поскольку федерация управлялась собранием нежеле советом, а Фивы находились в оппозиции олигархической Спарте, то форма управления этого Беотийского союза зачастую рассматривалась как демократическая [Buck, R. J. 1994, pp. 78–80; Beck, H., Ganter, A. 2015, p. 148; другая литература касательно политической организации Беотийского союза: Larsen, J. A. 1968, pp. 175–180, Beck, H. 1997, pp. 100–106, Buckler, J. 2008]. Против этого взгляда выступает П. Родс. По его мнению, нет оснований считать доказанным выбор демократического развития Фиванским полисом и Беотийским союзом, поскольку нет причин полагать, что имущественный ценз на полные гражданские права был снят. П. Родс приводит историческую параллель такой, на наш взгляд, модернизированной олигархии, когда комбинация ограниченного гражданского сообщества вместе с гражданским народным собранием явилась основой переходного режима, установленного в Афинах в 411–410 гг. до н.э. [Rhodes, P. J. 2006, pp. 248–249]. Причем в случае с Фивами, переход от совета к собранию явился только укреплением позиции Фив в федерации, что говорит не в пользу демократического принципа.

В этой финальной фазе существования Беотийского союза процесс региональной беотийской интеграции был интенсифицирован и подкреплен реализацией единой фортификационной строительной программой в Беотии, которая включала строительство стен, координированной оборонительной системы и системы коммуникации с целью предотвращения внешнего вторжения. Были укреплены также беотийские гавани [Beck, H., Ganter, A. 2015, p. 149]. Таким образом, Беотия была превращена в регион-крепость, а Фивы находились в самом ее центре, соответственно Беотийский союз представлял собой региональную федеративную

систему под главенством Фив. Однако, эта крепость не выдержала нескольких македонских ударов и, как уже было сказано, Фивы были уничтожены Александром Великим. Таким образом, к дезинтеграции привел внешний фактор.

Следующий этап истории Беотийского союза имеет свои особенности и охватывает эллинистический период, разбор которого применительно к интеграционным и дезинтеграционным процессам в Фивах и Беотии требует отдельного исследования (в том числе вследствие многочисленных эпиграфических данных) и поэтому не является предметом данной статьи.

Проекция подхода школы «Анналов». Согласно Фернану Броделю, прошлое человечества рассматривается как продукт, созданный силами или процессами, взаимодействующими на разных временных этапах и в каждый конкретный момент времени параллельно. Наше восприятие процессов и событий обычно ограничено нашим временем жизни, и это составляет первый временной уровень – мир событий, короткий период «происходящего» (фр. *événements*). В то же время происходят процессы, охватывающие несколько таких временных периодов или несколько столетий, которые трудно различимы для современников, но являются объектами для реконструкций, которыми занимаются историки и археологи. Это составляет средний временной уровень (фр. *moyenne durée*). Наконец, существуют исторические процессы, разворачивающиеся на еще более длительном хронологическом участке – тысячелетиями или даже миллионами лет, что является уровнем длительного периода (фр. *longue durée*) [Braudel, F. 1972]. Дж. Бинтлиф в своей работе [Bintliff, J. L. 2008, pp. 157–158] применяет методологию, учитывающую эту концепцию трех видов времени по отношению к возникновению, развитию и уничтожению беотийского полиса Галират, а также проецирует ее на греческую историю различных периодов в целом [Bintliff, J. L. 2012]. Мы же применим данный подход к интеграционным и дезинтеграционным процессам, в центре которых находились Фивы, что возможно сделать, учитывая вышеприведенный обзор и анализ.

Первое, что следует отметить – это процесс последовательного и временами скачкообразного построения в Беотии комплекса городских социально-стратифицированных сообществ с развитой агрокультурой, адаптированной к региональному ландшафту и климату. Относительно Фив мы проследили этот процесс, начиная с поздней и финальной фаз неолитического периода (ок. 5300–3200 гг. до н.э.) и вплоть до разрушения города Александром Македонским в 335 г. до н.э. Последнее событие, если рассматривать со стороны Фив, было вмешательством внешнего политического фактора, который явился результатом процесса оперативных действий во времени короткого порядка, но одновременно, если анализировать становление македонского общества, было и процессом среднего временного уровня, создания крепкого Македонского государства с сильной военной составляющей, охватывающего несколько столетий (V–IV вв. до н.э.).

Длительное развитие беотийских сообществ как процесса третьего временного уровня не было исключительно нарастающим. Например, ок. 1200 г. до н.э. комплекс сложившихся факторов (естественных, например, землетрясений, и, вероятно, каких-либо политических) привел к крушению дворцовоцентрических государств, среди которых были и Фивы. Однако, наличие крупных водных ресурсов и выгодное местоположение Фив как естественных факторов роста через некоторое время привело к новому скачку развития в позднегеометрический период (VIII в. до н.э.), когда Фивы вновь стали организованным поселением и встали на путь полисного развития. Эти же факторы роста привели к тому, что Фивы превратились в крупнейший полис Беотии, с городской территорией более 360 га, что являлось недостижимым показателем для всех остальных полисов Беотии.

В этом процессе городского роста Фив, что явился для архаического и классического периодов временем среднего порядка, большое значение имела религиозная и самоидентификационная составляющая. Первым городским религиозным кластером, расширившимся за пределы акрополя Фив, стал юго-восточный сектор, по нашему мнению, обнесенный стеной еще в позднеархаическое время. Именно здесь располагались важнейшие городские святилища Геракла и Аполлона Исмения. Самоидентификация же фиванцев базировалась на отнесения

себя к наследию героического времени, представленному в Фивах не только благодаря устному преданию и возможному континуитету населения от постдворцового до геометрического времени, которое могло сохранить эти предания, но и наличие остатков микенской материальной культуры или артефактам, сделанным в геометрическое время, но с претензией на героическую древность. Именно такими артефактами могли являться треножники с надписями, которые хранились в храме Аполлона Исмения.

Процесс развития длительного порядка в Беотии привел к формированию протополисов, а затем полисов, среди которых, как мы уже указали, Фивы были крупнейшим, далеко оставив позади все остальные. Как только Фивы в VI в. до н.э. превратились в такой центр, начался процесс среднего временного уровня – процесс объединения поселений Беотии в федерацию под фиванской гегемонией. Этот процесс также несколько раз прерывался из-за политических факторов развития первого временного уровня, что выразилось в поражении Фив на стороне персов в 479 г. до н. э. или, например, дезинтеграции Беотийского союза в результате Анталкидова мира 387/6 г. до н. э., а затем захвата Фив спартанцами в 382 г. до н.э. В рассматриваемые нами периоды финальными фазами дезинтеграции Беотийского союза под главенством Фив стали события 338 и 335 гг. до н.э. Учитывая столь длительную историю государственного развития на местном фиванском и региональном беотийском уровнях, Фивы являются уникальной моделью для изучения интеграционных и дезинтеграционных процессов как в становлении полиса, так и в построении федеративного союзного государства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Можайский, А. Ю. 2007 – А. Ю. Можайский. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2007. [A.YU. Mozhajskij. Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassicheskiy period. Dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2007.]

Можайский, А. Ю. 2018 – А. Ю. Можайский. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города. – *Hypothekai*, 2, 2018, 79–96. [A.YU. Mozhajskij. Reki i vorota Fiv v tragediyah Eskhila, Sofokla i Evripida kak chast' obrazovatel'nogo prostranstva goroda. – *Hypothekai*, 2, 2018, 79–96.]

Можайский, А. Ю. 2019 – А. Ю. Можайский. Захват спартанцами Фив в 382 г. до н. э. – *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 4, 2019, 20–29. [A.YU. Mozhajskij. Zahvat spartancami Fiv v 382 g. do n.e. – *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 4, 2019, 20–29.]

Можайский, А. Ю. 2020 – А. Ю. Можайский. Микенские контакты с Египтом и Сиро-Палестинским регионом. – *От Залмоксис до Кетцалкоатл. Исследования в честь на 65-годовшнина на доц. д-р Стефан Йорданов [LEVIATHAN. Studiorum socii et potestatis scripta. Проучвания върху социалната, потестарно-политическата, юридическата и историческата етнология, III]. Велико Търново: Издателство „ИТИ“, 2020, 283–293. [A.YU. Mozhajskij. Mikenskie kontakty s Egiptom i Siro-Palestinskim regionom. – Ot Zalmoksis do Ketcalkoatl. Izsledvaniya v chest na 65-godishninata na doc. d-r Stefan Jordanov [LEVIATHAN. Studiorum socii et potestatis scripta. Prouchvaniya v»rhu socialnata, potestarno-politicheskata, yuridicheskata i istoricheskata etnologiya, III]. Veliko T»rnovo: Izdatelstvo “ITP”, 2020, 283–293.]*

Можайский, А. Ю. 2021 а – А. Ю. Можайский. Города, названные «Фивами»: образование города и образование городом. – В: *Образовательные пространства и антропопрактики города (Коллективная монография). Под общ. Ред. В. К. Пичугиной. Москва: Аквилон, 2021, 46–82. [A.YU. Mozhajskij. Goroda, nazvannye «Fivami»: obrazovanie goroda i obrazovanie gorodom. – V: Obrazovatel'nye prostranstva i antropopraktiki goroda (Kollektivnaya monografiya). Pod obshch. Red. V. K. Pichuginoj. Moskva: Akvilon, 2021, 46–82].*

Можайский, А. Ю. 2021 б – А. Ю. Можайский. Фивы, Амфиарай и Алкмеон в Пифийской восьмой оде Пиндара: наставление победителю. – *Hypothekai*, 5, 2021, 172–190. [A.YU. Mozhajskij. Fivy, Amfiaraj i Alkmeon v Pifijskoj vos'moj ode Pindara: nastavlenie pobeditelyu. – *Hypothekai*, 5, 2021, 172–190.]

Andreïomenou, A. 1989 – А. Andreïomenou. Bōtíen in der Zeit von 1050–800 v.Chr. – In: *Boiotika. Vorträge vom 5. Internationalen Bōtíen-Koloquium zu Ehren von Professor Dr. Siegfried Lauffer, München 13–17 Juni 1986. Eds. H. Beister, J. Buckler. München: Editio Maris, 1989, 253–263, pl. 10–25.*

- Aravantinos, V. L.** 2010 – V. L. Aravantinos. The Archaeological Museum of Thebes. Athens: Olkos, 2010.
- Aravantinos, V. L.** 2014 – V. L. Aravantinos. The Inscriptions from the Sanctuary of Herakles at Thebes. – In: The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects. Ed. N. Papazarkadas. Leiden; Boston: Brill, 2014, 149–210.
- Aravantinos, V. L.** 2015 a – V. L. Aravantinos. The Palatial Administration of Thebes updated. – In: Tradition and Innovation in the Mycenaean Palatial Polities. Proceedings of an International Symposium held at the Austrian Academy of Sciences, Institute for Oriental and European Archaeology, Aegean and Anatolia Department, Vienna, 1–2 March, 2013. Eds. J. Weilhartner, F. Ruppenstein. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2015, 19–49.
- Aravantinos, V. L.** 2015b – V. L. Aravantinos. Το Τέμενος του Ηρακλέους στη Θήβα. – In: Αρχαιολογικές Σύμβολες Τόμος Γ: Βοιωτία & Εύβοιας. Ed. S. Oikonomou. Athens: Museum of Cycladic Art, 2015, 85–106.
- Aravantinos, V. L.** 2017 – V. L. Aravantinos. The sanctuaries of Herakles and Apollo Ismenios at Thebes: new evidence. – In: Interpreting the Seventh Century BC. Tradition and Innovation. Eds. X. Charalambidou, C. Morgan. Oxford: Archaeopress, 2017, 218–227.
- Aravantinos, V. L.** 2020 – V. L. Aravantinos. Thebes in Boeotia. – In: A Companion to the Archaeology of Early Greece and the Mediterranean. Vol. 2. Eds. I. S. Lemos, A. Kotsonas. Bridgewater, NJ: Wiley Blackwell, 2020, 763–785.
- Aravantinos, V. L., Godart, L., Sacconi, A.** 2001 – V. L. Aravantinos, L. Godart, A. Sacconi. Thebes. Fouilles de la Cadmee I: les tablettes de la odos Pelopidou. Edition et commentaire. Pisa, Rome: Istituti Editoriali Poligrafici Internazionali, 2001.
- Beck, H.** 1997 – H. Beck. Polis und Koinon. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Beck, H., Ganter, A.** 2015 – H. Beck, A. Ganter. Boiotia and the Boiotian Leagues. – In: Federalism in Greek Antiquity. Eds. H. Beck, P. Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Biesantz, H.** 1958 – H. Biesantz. Mykenische Schriftzeichen einer böiotischen Schale des 5. Jahrhunderts v. Chr. – In: Minoica; Festschrift zum 80. Geburtstag von J. Sundwall. Ed. E. Grumach. Berlin: Akademie Verlag, 1958, 50–60.
- Bintliff, J. L.** 1977 – J. L. Bintliff. Natural Environment and Human Settlement in Prehistoric Greece. Oxford: British Archaeological Reports, 1977.
- Bintliff, J. L.** 1994 – J. L. Bintliff. Territorial behavior and the natural History of Greek polis. – In: Stuttgarter Kolloquium zur historischen Geographie des Altertums. Vol. 4. Eds. E. Olshausen, H. Sonnabend. Amsterdam: Hakkert Verlag, 1994, 207–249.
- Bintliff, J. L.** 2002 – J. L. Bintliff. Rethinking Early Mediterranean Urbanism. – In: Mauerschau: Festschrift für Manfred Korfmann. Bd.1. Eds. R. Aslan et al. Tübingen: B. A. Greiner, 2002, 153–177.
- Bintliff, J. L.** 2008 – J. L. Bintliff. History and Continental Approaches. – In: Handbook of Archaeological Theories. Eds. R. A. Bentley, H. D. Maschner. Lanham; New York; Toronto; Plymouth, UK: Altamira Press, 2008, 147–164.
- Bintliff, J. L.** 2012. – J. L. Bintliff. The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2012.
- Braudel, F.** 1972 – F. Braudel. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London: Fontana/Collins, 1972.
- Buck, R. J.** 1979 – R. J. Buck. A History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979.
- Buck, R. J.** 1985 – R. J. Buck. Boeotia its development of institutions and oligarchic and democratic theory in the fifth and fourth centuries. – In: La Béotie antique. Paris: Éditions du CNRS, 1985, 291–296.
- Buck, R. J.** 1994 – R. J. Buck. Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994.
- Buckler, J.** 1980 – J. Buckler. The Theban Hegemony, 371–362 B.C. London: Harvard University Press, 1980.
- Buckler, J.** 2008 – J. Buckler. The Phantom Synhedrion of the Boiotian Confederacy. In: Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Eds. J. Buckler, H. Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 165–179.
- Cline, E. H.** 2014. – E. H. Cline. 1177 B.C.: The Year Civilization Collapsed. Turning Points in Ancient History 1. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014.

Criore, R. 2001 – R. Criore. The Grammarian's Choice: The Popularity of Euripides' *Phoenissae* in Hellenistic and Roman Education. – In: Education in Greek and Roman Antiquity. Ed. Yun Lee Too. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2001, 241–259.

Demakopoulou, K. 2014 – K. Demakopoulou. Mycenaean Palatial Workshops in Thebes. – In: 100 Years of Archaeological Work at Thebes. Eds. V. Aravantinos, E. Kountouri. Athens: Archaeological Resources Fund, 2014, 139–156.

Dakouri-Hild, A. 2010 – A. Dakouri-Hild. Thebes. – In: The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean. Ed. E.H. Cline. Oxford: Oxford University Press, 2010, 690–711.

Dickinson, O. 2006. – O. Dickinson. The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change Between the Twelfth and Eighth Centuries B.C. Oxford and New York: Routledge, 2006.

Dickinson, O. 2010 – O. Dickinson. The Collapse at the End of the Bronze Age. – In: The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean. Ed. E.H. Cline. Oxford: Oxford University Press, 2010, 483–490.

Fappas I., Galanakis Y. 2013 – I. Fappas, Y. Galanakis. Thebes in Boiotia. – In: The Encyclopedia of Ancient History. Eds. R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion et al. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2013, 6648–6651.

Forsdyke, J. 1957 – J. Forsdyke. Greece before Homer; Ancient Chronology and Mythology. New York: Norton, 1957.

Fossey, J. M. 1988 – J. M. Fossey. Topography and Population of Ancient Boiotia. Chicago: Ares Publishers, 1988.

Keramopoulos, A. 1917 – A. Keramopoulos. *Θηβαϊκά* (Archaeologikon Deltion 3). Athens, 1917.

Knapp, A. B., Manning, S. W. 2016 – A. B. Knapp, S. W. Manning. Crisis in Context: The End of the Late Bronze Age in the Eastern Mediterranean. – American Journal of Archaeology, 120 (1), 2016, 99–149.

Kountouri, E. 2014 – E. Kountouri. Geometric Thebes: The Data from Contemporary Research. – In: 100 Years of Archaeological Work at Thebes. Eds. V. Aravantinos, E. Kountouri. Athens: Archaeological Resources Fund, 2014, 213–229.

Larsen, J. A. 1968 – J. A. Larsen. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1968.

Larson, S. 2007. – S. Larson: Tales of Epic Ancestry. Boiotian Collective Identity in the Late Archaic and Early Classical Periods. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007.

Lemos, I. S. 2002 – I. S. Lemos. The Protogeometric Aegean. The Archaeology of the Late Eleventh and Tenth Centuries BC (Oxford Monographs on Classical Archaeology). Oxford: Oxford University Press, 2002.

Mckechnie, P. R., Kern, S. J. (Eds.) 1993 – P. R. Mckechnie, S. J. Kern. Eds. Hellenica Oxyrhynchia. Warminster: Aris and Phillips, 1993.

Mozhajsky, A. Yu. 2014 – A. Yu. Mozhajsky. Archaic wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems. – Graeco-Latina Brunensia 19,2, 2014, 71–79.

Mozhajsky, A. Yu. 2018 – A. Yu. Mozhajsky. Bronze in Aegean of the Late Bronze Age: significance of metallurgy, delivering and consumption. – Non-ferrous Metals, 1, 2018, 43–48.

Mozhajsky, A. Yu. forthcoming – A. Yu. Mozhajsky. Burials, Sanctuaries and Fortification: Forming the Urban Space of Thebes from the Postpalatial Times to the Archaic Periods. In Press.

Osborne, R. 2009 – R. Osborne. Greece in the Making, 1200–479 BC. London: Routledge, 2009.

Rhodes, P. J. 2006 – P. J. Rhodes. A History of the Classical Greek World: 478–323 BC. Oxford: Blackwell, 2006.

Schachter, A. 1981 – A. Schachter. The Cults of Boiotia 1 (BICS Suppl. 38. 1). London: University of London, Institute of Classical Studies, 1981.

Symeonoglou, S. 1985 – S. Symeonoglou. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1985.

Van Wijk, R. 2019 – Van Wijk R. A Bittersweet Rivalry. The interstate relations between Athens and Boiotia during the Archaic and Classical Period (550–323 B.C.E.). Dissertation zur Erlangerung der Doktorwürde an der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg (CH). Pays-Bas, 2019.

Vanschoonwinkel, J. 1991 – J. Vanschoonwinkel. L'Égée et la Méditerranée Orientale à la fin du IIe millénaire. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art, 1991.